

УДК 811.511.13

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-22-30

ОРНИТОНИМ *РАКА* «ВОРОНА (ВОРОН)» В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

Алевтина Степановна Лобанова

к. филол. н., доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. lobanova@pspu.ru

В статье рассматриваются существующие в сознании коми-пермяков типичные представления, связанные с орнитонимом *рака* «ворона». С опорой на функционально-семантический метод исследования выявляются стереотипы, связанные с вороной, наиболее интересными среди них являются стереотипы эстетической неприглядности, рассеянности, финансовой несостоятельности.

Предметом анализа послужили народные приметы и суеверия, заговоры, пословицы и фразеологизмы, в которых фигурирует названная птица. В лингвокультурологическом плане анализируемый орнитоним широко представлен в устойчивых словах и выражениях, в других паремиях образ вороны встречается значительно реже.

Народные толкования, связанные с окружающим миром, красотой и неряшливостью, достатком и бедностью человека, коми-пермяками зачастую интерпретируются с использованием образа этой птицы. Лингвистические материалы позволяют выделить несколько мотивированных коннотаций: статус, внешний вид, физическое и эмоциональное состояние субъекта.

Представляет большой интерес и является сугубо национальной составляющей то, что *рака* «ворона» в сознании коми-пермяков в большей степени ассоциируется с мужским началом. Осуждением социальной или финансовой несостоятельности мужчины демонстрируется национальный семейный код: он (мужчина) должен иметь свой дом, должен крепко стоять на ногах, у него должна быть добротная одежда как первый визуальный признак успешности.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; орнитоним; лингвокультура; стереотип; устойчивое выражение.

Птицы в традиционной культуре коми-пермяков занимают довольно значимое место [Климов, Чагин 2005: 142–144]. Они изображены на многих бронзовых скульптурах, доставшихся этому народу в наследство. В научных кругах древний вид искусства принято называть *пермским звериным стилем* [Грибова 1975]. По поводу птиц, изображенных на древних скульптурах, известный коми-пермяцкий фольклорист В. В. Климов писал: «Птица, несущая на себе и в себе людей, – это все-таки божество, покровитель и вдохновитель увтыра. На нем держится судьба общины; в его лоне – зародыш нового поколения или символ генофонда» [Климов 2007: 202].

С наступлением весны коми-пермяки с большой опаской ожидают впервые услышать кукушку: звуки *ку-кку, ку-кку*, раздающиеся со сто-

роны затылка, – к возможной смерти в этом году, с левой или правой стороны – к неприятностям, со стороны лица – к благополучию. Предвестниками смерти являются мелкие птицы, чаще скворцы (*сьодкай* досл. «чёрная птица»). Символ смерти, связанный именно с этой птицей, возник скорее всего по причине её чёрного оперения. Скворцы дают знать о предстоящем горе в семье: либо залетают в дом, либо налетают на лобовое стекло движущейся машины.

По народным поверьям, души умерших также переселяются в птиц. В течение сорока дней после смерти они часто дают о себе знать: стучат клювом о стекло окна в родном доме. По мнению коми-пермяков, таким образом они будят родственников в поминальные дни, чтобы те не опоздали приготовить поминальную трапезу. Эта роль, как правило, отводится уже воробьям или

синицам. *Ой, кыз таун рудкайыс асывнас стукотис ойынас. Этö кöзьяныс воввис, саймötис* «Ой, как сегодня воробей утром стучал по стеклу. Это хозяин приходил, будил» (Кудымкарский район, д. Селёва, 2013 г.).

Объектом нашего внимания в данной статье стала ворона – *рака*. Попытаемся рассмотреть типичные представления, существующие в сознании коми-пермяков, связанные с данной птицей и данным орнитонимом. В качестве предмета анализа обозначим народные приметы и суеверия, пословицы и фразеологизмы, в которых так или иначе фигурирует данный субъект. Основным методом исследования является функционально-семантический. Народные толкования о мире, красоте, неряшливости, достатке и бедности интерпретируются в том числе и с помощью образа вороны, вернее, стереотипов, связанных с этой птицей. Языковая сфера, а также определенное ритуальное поведение позволяют продемонстрировать сложившийся комплекс, называемый этнической картиной мира.

Ворона и ворону коми-пермяки называют одним словом – *рака*. При необходимости четкой родополовой дифференциации к названной лексеме присоединяется компонент *айпöв* в значении «особь мужского пола» (где *ай* «отец», *пöв* «часть, половина»; *айпöв рака* в зн. «ворон») или *иньпöв* – «особь женского пола» (*инь* «женщина, жена»; *иньпöв рака* в зн. «ворона»). Семантику «самка птицы» можно передать и с помощью компонента *көн-*, например, *көнтар* «самка тетерева» (*тар* «тетерев») или *көндозмөр* «самка глухаря» (*дозмөр* «глухарь»). Однако в отношении вороны вариант *көнрака* в коми-пермяцком языке не употребителен. По мнению составителей Краткого этимологического словаря коми языка, «самки этих птиц (*тетерева и глухаря*. – А. Л.) по цвету оперения резко отличаются от самцов... Этот цвет напоминает конопляное семя. Видимо, *көн* одного происхождения с *көнтусь* «конопля (семя)» [КЭСКЯ 1970: 141].

Грача как близкого родственника вороны коми-пермяки называют *сьодрака* (досл. «черный ворон»).

Ворону (ворона), а заодно и грача коми-пермяки не жалуют. Эта мысль довольно часто подтверждается и художественными текстами. Вот как описывается отношение к этой птице в рассказе И. Минина «*Комолöй чёрт*» (Комолый чёрт) *И пöрись рака, кöда эта кадö пыр сунасьлис гуна сайись косьмöm көз вылын, шевк шевк керис борддэзнас да резьötис асывса воздухö нёштöm голосөн: «Кар-р-р!» – и виньдис, бöра, тыдалö, онмössис. Старик грöзитис сылань кулакнас и эз вунöt сьöвзыны: «Тьфу,*

тьфу, нечистöй дук! Аслат юр вылö карзан, срам!»! Мырьячын быд суевернöй морт тöдö, что пöрись рака эта одза карзö не бур одзын: кöсий сйа, нёштöm дук, кытшиöмкö оказия. Вот мыля Попан Илья лöга сьöвзис, паськыта пернапасасис и кöсийсис талун жö веитисьны ракаыскöт [Пармалөн шыэз 1997: 93]. (И старая ворона (или ворон, по тексту это непонятно. – А. Л.), которая в это время обычно дремала за гумном на высохшей ели, вспорхнула крыльями и, разрывая утренний воздух некрасивым голосом, каркнула: «Кар-р-р!» – и подавилась, снова, кажется, уснула. Старик пригрозил в ее сторону кулаком и не забыл плюнуть: «Тьфу, тьфу, нечистый дух! На свою голову каркаешь, срам!»! В Мырьячине всякий суеверный человек знает, что старая ворона в такую рань каркает не к добру: предвещает она, вонючая дрянь, какое-то несчастье. Вот почему Попан Илья сердито плюнул, широко перекрестился и решил сегодня же расправиться с вороной). Кстати, по сюжету рассказ завершается тем, что персонаж убивает ворону из ружья.

В другом рассказе этого же автора «*Вишлок Пронялөн медбöрья ой*» (Последняя ночь Вишлок Прони) отмечено следующее. *Забор саяс, ыджыт кыздзез вылын, быдкодö нёштöm голосөн карзöны сьодракаэз, видчöны öтамöдныскöт, споритöны, некызд оз вермö артавны кытшиöмкö дело. Вишлоклö охота босьтны пишаль да бузнитны-лыйны ойынсянас, мед оз нёштöмасьö, лёквиррез. Но керны этö оз лысьт. Эм сэтшиöm примета: виан сьодракаöс, дак сэсса олансö он ни адззыв, быдöс добротö төвныр нöбötас. И Пронялö ковсьö терпитны [Пармалөн шыэз 1997: 102]. (За забором, на больших березах, разными некрасивыми голосами каркают грачи, ругаются, спорят друг с другом, никак не могут решить какое-то дело. Вишлоку охота взять ружьё да бабахнуть-выстрелить из окна, чтоб заткнулись, твари. Но сделать так не смеет. Есть такая примета: убьешь грача, так жизни больше не увидишь, все имущество ветром унесет. И Проне приходится терпеть.)*

В рассказе А. Ермакова «*Кылис спасибосö*» (Услышал спасибо) есть такой эпизод. *Горш Голукöс деревняас тöдöны кызд бур вöралисьöс ... Öтöрас öдва югдыштас, босьтас кияс пишаль да ракаэзöс лыйлö горт гөгöрсис....*

– *Мый тэ ракаэслись асывсянь коран? – сид шуис Петраыс, кызд бытьтö асывсянас эз туй нем керны, а павжун бöрсянь туйö.*

– *Кольттесö тай бöра гусялöмась шой дукöсь воканнес. Ме нылö мыччала часöт.*

– *Мый жыд, курöггес разь төвнас кольт-тялöны? [Пармалөн шыэз 1997: 388].*

(Горш Голюка в деревне знают как хорошего охотника... На улице едва рассветет, он берет в руки ружье и во всей округе стреляет в ворон

– Что тебе надо с утра от ворон? – так сказал Петра, словно с утра ничего нельзя делать, а после обеда можно.

– Так яйца опять украли эти заразы (досл. «лохани») с запахом трупа. Я им сейчас покажу.

– Что ты, зимой разве курицы несутся?).

В приведенных отрывках авторами применены довольно грубые выражения, направленные в адрес вороны (грача) и в целом характеризующие ее крайне отрицательно. К сожалению, при дословном переводе этих выражений происходит значительная утрата их значения, еще в большей степени разрушается стилистическая окрашенность текста. Однако это свойственно большинству переводов. Попробуем прокомментировать некоторые слова и выражения, характеризующие ворону или направленные в ее адрес. Заметим, что все они являются общеизвестными и активно употребляются в речи коми-пермяков.

Самое безобидное выражение в приведенных отрывках, которым называют эту птицу, – это *нёштём дук* (где *нёштём* «некрасивый, неприятный»). Коми-пермяками оно воспринимается в двух семантических аспектах: либо когда речь идет о мерзком запахе, либо когда оно тождественно русскому выражению «нечистый дух». Однозначно современное коми-пермяцкое *дук*, употребляющееся в значении «вонь, нехороший запах», является сравнительно ранним русским заимствованием. Наряду с этим коми-пермяки употребляют вариант *дук* и в значении «дух». В приведенном контексте, скорее всего, ворона ассоциировалась с нечистым духом, а не с мерзким запахом. Одним словом, общее значение выражения имеет явно отрицательную коннотацию и в данном случае характеризует ворону далеко не с лучшей стороны.

Следующее выражение *нечистой дук* (< рус. *нечистый дух*), заимствованное коми-пермяками из русской фразеологии и имеющее те же сферы применения, что и в языке-оригинале, могло поспособствовать появлению варианта *нёштём дук*, который только что был рассмотрен. Заметим, что при образовании последнего варианта использовался уже исконный материал.

Другие выражения отрицательной составляющей в семантике нагружены еще в большей степени. Дисфемизмом *лэквир* (в приведенном отрывке *лэквиррез* – форма множественного числа имени существительного) обычно называют мужчину, который в социальном плане находится едва ли не на самой низкой ступени. В данном случае этим грубым словом (где *лэк* «злая», *вир* «кровь») называют ворону.

В тексте А. Ермакова в адрес вороны направлено еще одно выражение *шой дукось воканнес* (досл. «лохани с запахом трупа»). Последний компонент *вокань* (в отрывке *воканнес* – форма множественного числа имени существительного с указательно-выделительным компонентом *-с*) в смысловом отношении чем-то близок к предыдущему варианту, им также ругают, как правило, мужчину, неопрятного, пьяного, безвольного. *Вокань* по своему происхождению, скорее всего, от русского *лохань* со значительной семантической деривацией в языке коми-пермяков. Первые два слова данного выражения *шой дукось* (досл. «с запахом трупа») значительно усиливают семантическую нагрузку определяемого слова *вокань*. Трехкомпонентное выражение следует понимать как нечто плохое с запахом трупа.

Одним словом, коми-пермяцкие художественные тексты демонстрируют ярко выраженную отрицательную экспрессию, связанную с вороной. Синонимический ряд с доминантой *рака* (*ворона*) складывается из следующих компонентов: *нёштём дук*, *нечистой дук*, *лэквир*, *шой дукось вокань*.

Попробуем разобраться с ролью вороны (*рака*) в традиционной картине мира коми-пермяка. В энциклопедии «Мифы народов мира» в словарной статье, связанной с вороном, отмечается: «Ворон широко распространён в мифологических представлениях, обладает значительным кругом функций, связывается с разными элементами мироздания (подземным миром, землёй, водой, небом, солнцем), что свидетельствует о глубокой мифологической семантике этого персонажа. Она обуславливается некоторыми универсальными свойствами ворона как птицы, в частности резким криком и чёрным цветом. ... ворон олицетворяет некий компромисс между хищными и травоядными, противопоставление которых друг другу оказывается в конечном итоге смягчением фундаментальной антиномии жизни и смерти. Поэтому ворон воспринимается как медиатор между жизнью и смертью. Как трупная птица чёрного цвета с зловещим криком ворон хтоничен, демоничен, связан с царством мёртвых и со смертью, с кровавой битвой (особое развитие получает мотив выклёвывания вороном глаз у жертвы), выступает вестником зла. Поскольку ворон в поисках пищи копается в земле, он связывается и с нею; как всякая птица, ворон ассоциируется с небом. Ворон выполняет посреднические функции между мирами — небом, землёй, загробным (подземным или заморским) царством, являясь, таким образом, медиатором между верхом и низом» [Ворон 2009: <http://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=856705>].

В русской и вообще славянской традиционной культуре черный цвет ворона воспринимался как знак нечистой силы [Левкиевская 2000: 109]. Не случайно ворон в фольклорных и мифологических текстах выступает предвестником смерти, войны и крови [Топорков 2013: 275]. Одним словом, образ ворона в русской лингвокультурологии имеет четко обозначенную некрологическую семантику. В коми-пермяцкой культуре «смерть чаще предвещают мифические персонажи, такие как домовый, леший, водяной» [Томилина 2014: 207].

Длительное совместное проживание коми-пермяков и русских наложило свой отпечаток. По этой причине видение окружающего мира зачастую у двух народов имеет много общего. Тем не менее национальная специфика, в данном случае связанная с образом вороны (ворона), должна сохраниться в коми-пермяцкой паремии. Попытаемся её выявить и прокомментировать.

В известном сборнике коми-пермяцких фольклорных текстов *Кытчö тійö мунатö* (Куда вы уходите, 1991) встречаем примету: *Керку юр вылын рака карзö – хозяйныслö умöль олан көсьö*. «На крыше дома ворона каркает – хозяину плохую жизнь предвещает» [Кытчö тійö мунатö 1991: 203]. Подобное нам удалось зафиксировать и в полевых условиях: *Умöль одзын кокавö рака керку крыша, сэтöн (керкуас) воас беда*. «Не к добру клюёт ворона крышу дома, там (в доме) будет беда» (Кудымкарский район, д. Москвино, 2013 г.). Согласно этим приметам ворона является предвестником несчастья, горя либо хозяину дома, либо всей семье. Однако в них отсутствует прямое указание на предстоящую смерть. Плохая жизнь может быть связана с возможной болезнью, разлукой, бедностью, но не со смертью. На это же, кстати, указывает и приведенный нами второй отрывок художественного текста. Иных примет, связанных с этой птицей, выявить не удалось.

Ворона фигурирует в народной пословице *Йöз муас и гортись ракалö рад* в значении «На чужбине и родной вороне радуешься» [Кытчö тійö мунатö 1991: 196]. Пожалуй, это единственная паремия, где образ интересующей нас птицы представлен в определенной степени позитивно. Здесь она символизирует связь с домом, семьей; демонстрируется тоска по родным местам.

В коми-пермяцких заговорах лексема *рака* (ворона) встречается крайне редко. Вот что зафиксировано в упомянутом выше сборнике фольклорных текстов: *Карзись ракалö: Карзы аслат юр вылö, Мекшорись бабайлö, Лёкубись дедöлö, а не ме вылö* (Каркающей вороне: Каркай на свою голову, бабаю из Мекшора, деду моему из Лёкуба, а не на меня», пер. – А. Л.) [Кытчö

тійö мунатö 1991: 81]. Надо полагать, что первая часть заговора является компонентом русской народной традиции, а вот продолжение напрямую связано с коми-пермяцкой: всё плохое, дурное переадресовывать нечистым силам. В сборнике «Образцы удмуртской речи» (2015), автором-составителем которого является известный финно-угровед В. К. Кельмаков, мы обнаружили следующий заговор (приводим уже переводной вариант. – А. Л.): *Тьфу! Тьфу! Тьфу! Синие глаза, зелёные глаза, красные глаза сглазили. Их все ворона унесла* [Кельмаков 2015: 79]. Там же зафиксировано проклятие, в сюжете которого фигурирует ворона: *Пока на моих ладонях волосы не вырастут, пока из лутюшки² кровь не появится, пока у воронья молоко не выйдет – чтоб до тех пор ему счастья не видать* [Кельмаков 2015: 80].

Орнитоним *рака* крепко «прилипал» к мужчине, не имеющему своего жилья и после женитьбы пришедшему жить в дом жены. Эта унижительная участь была уготована, как правило, старшим и средним сыновьям многодетной семьи, когда у отца не было возможности помочь им построить или купить дом. Даже если этот мужчина через определенное время сам обеспечивал свою семью уже своим домом, его по-прежнему называли именем птицы, но уже другой: *кырныш* «жоршун». *Рака Степан менам пыр вöви ним, көть ме öнi Кырныш ни* «Меня всегда называли Рака Степан, хоть я сейчас уже Кырныш» (со слов Лесникова С. И., 1931 г. р., Селёва, Кудымкарский район). В статье А. С. Лобановой, С. С. Шляховой «Об отражении гендера в коми-пермяцком языке» отмечено: «С высокой долей вероятности можно предположить мужское доминирование в коми-пермяцкой культуре в прошлом и «гендерный» сдвиг в современности» [Лобанова, Шляхова 2012: 109].

Гнездо вороны в народном понимании воспринимается как нечто некрасивое, невзрачное, непрочное. Не зря о торчащих в разные стороны волосах говорят *рака поз* (воронье гнездо) (см. далее). Нет ли здесь семантических параллелей? В традиционной культуре практически всех народов всегда было принято родниться с семьей своего уровня, ранга. Скорее всего, жена, приютившая мужа в своем доме, также не выделялась особыми внешними данными, статусом или богатством, иначе она была бы замужем за другим мужчиной. А символом обеспеченности всегда являлся дом, крепкий, красивый, добротный. Добавим, что в северных районах Коми-Пермяцкого округа о мужчине, пришедшем жить к своей жене, говорят, что он зашел в хлев (*картаö пырны*). Мотив бедности в связи с вороной будет продемонстрирован дальше и на других

примерах, но этот социальный статус женатого мужчины, связанный с образом ворона, несомненно, является коми-пермяцкой национальной спецификой.

Возможно, здесь уместно напомнить еще об одном выражении, в составе которого имеется анализируемый орнитоним. О бездетной семье, у которой нет наследников, часто говорят: «Доброньыс катиша-ракалө дөнзяс» (досл. «Их добро воронью достанется») в зн. «Их добро так и не достанется никому; оно будет растаскано, украдено».

Согласно приведенным выше сведениям у коми-пермяков в связи с отдельными представителями семейства вороновых наблюдается явное к ним негативное отношение. Следовательно, в языке, в частности во фразеологизмах, должен быть хоть каким-то образом реализован этот весьма своеобразный познавательный и эмоциональный опыт этноса. Почему именно ворона и похожие на нее (ворон, грач, черный ворон) представители птичьего мира получили негативную оценку в народном сознании коми-пермяков? Её довольно крупный размер, чёрный цвет, преобладающий в её оперенье, относительная смелость – ворона может позволить себе довольно близко приблизиться к человеку, не самый приятный голос – всё это способствовало возникновению этого несимпатичного образа.

Фразеологизмов с компонентом *рака* «ворона» в современном коми-пермяцком языке довольно много, судя по Коми-пермяцко-русскому словарю (1985) еще в недавнем прошлом их было значительно больше. Попробуем прокомментировать некоторые из них. Остановимся на устойчивых выражениях, в которых интересуемый нас объект – ворона – имеет при себе определение.

Устойчивое выражение *бордтөм рака* (досл. «бескрылая ворона»), согласно О.А. Поповой, соответствует русскому выражению *без руля и ветрил* [КПФС 2010: 31]. Этим выражением не назовут женщину, оно адресовано только мужчине и семантически переплетается с социальным положением женатого мужчины, не получившего своего наследства от родного отца (см. выше). Бесправный, ущемленный – в смысловом отношении близкие синонимы выражению *бордтөм рака*. Оно символизирует постоянные качества или статус мужчины. *Ванька Петяыс эд кыдз бордтөм рака, сійө инькаыс насъмек видзö* в зн. «Петр Иванович ведь совершенно бесправный, жена его нисколько не уважает».

Бедного, неимущего мужчину можно назвать *куштөм рака* (досл. «общипанная ворона»), это выражение близко к русскому *гол как сокол*. Однако коми-пермяцкий вариант подразумевает, что человек в прошлом не был нищим, он им стал в

силу каких-то жизненных обстоятельств (его общипали, т. е. чего-то лишили). *Сія öні куштөм рака, нем сы вылö надейтчыны* в зн. «Он теперь беден, на него надеяться бесполезно».

Два фразеологизма *бордтөм рака* «бескрылая ворона» и *куштөм рака* «общипанная ворона» имеют общую смысловую нагрузку – человека лишили чего-нибудь. Причем метафора, связанная с лишением крыльев, как и следовало ожидать, имеет более суровые последствия (постоянный статус, ущербная доля), чем переосмысление, связанное с лишением перьев (временное состояние, возможность исправить создавшуюся ситуацию).

Семантическое развитие, точнее, конкретизация, с компонентом *рака* «ворона» наблюдается в выражении *пасьтөм рака* (букв. «раздетая, голая ворона; ворона без одежды»). Так называют человека, имеющего большую нужду в хорошей одежде, оно близко русскому *оборванец*. *Пасьтөм ракаöн овö, бур сапогсö коквас некöр эз адззыв* (досл. «Живет голой вороной, т. е. очень бедно, добрых сапог на ногах никогда не видел», пер. – А. Л.) [КПФС 2010: 145]. Если в предыдущих выражениях фигурировали слова, так или иначе связанные с тематической группой *рака* «ворона» (крылья, общипанная), то в этом случае появилось понятие «раздетая, голая, без одежды», что меньше всего характерно для птицы. Стилистически ярко в анализируемых фразеологизмах выступают мотивы ущербности и бедности. И чаще всего ими все-таки наделяют мужчин. Смеем предположить, что *рака* «ворона» в сознании коми-пермяков в большей степени ассоциируется с мужской составляющей. Осуждением социальной или финансовой несостоятельности мужчины демонстрируется национальный семейный код: он (мужчина) должен иметь свой дом, должен быть успешным в течение всей жизни, у него должна быть добротная одежда как первый визуальный признак успешности.

Следующая тематическая группа фразеологизмов с компонентом *рака* «ворона» связана с невнимательностью и рассеянностью человека, что также не совсем обычно. С одной стороны, считается, что ворона – предусмотрительная, осторожная и внимательная птица, с другой стороны, лингвокультурологический материал показывает, что для нее характерна и рассеянность. «Умение подражать человеческой речи, а возможно, и долголетие, способствовали возникновению представлений о вороне как о мудрой вещи птице (ср. его связь с загробным миром). Наряду с этим (особенно в северных мифологиях) ворона воспринимается как посредник между мудростью и глупостью (он – «муд-

рый» шаман и плут-трикстер, попадающий впросак или совершающий «безумные» поступки») [Ворон 2009: <http://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=856705>]. Поэтому не так и беспочвенно появление в коми-пермяцкой фразеологии довольно употребительного устойчивого выражения *осьта ѓма рака* (досл. «ворона с открытым ртом»). Так называют невнимательного, рассеянного человека. Фразеологизм реализует постоянные или длительные свойства субъекта. Он чаще адресован детям, хотя применим и по отношению к взрослым. *Мый, осьта ѓма рака, нем эн вежборт* (досл. «Что, ворона с открытым ртом, ничего не поняла»? Пер. – А. Л.) [КПФС 2010: 129].

О невнимательном, рассеянном в данный момент человеке можно сказать *ѓшѓм рака* (досл. «потерявшаяся ворона»). Этим выражением могут наделить любого, но оно обозначает не постоянный признак субъекта, а его временное состояние. *Ме талун кыдз ѓшѓм рака* «Я сегодня как потерявшаяся ворона», т. е. невнимательна.

Сильно замерзшего человека коми-пермяки назовут *гѓжѓм рака* (досл. «окоченевшая ворона»). Чаще этим выражением называют детей. *Тэ тай чисто кымѓмат, гѓжѓм рака лѓмат* в зн. «Ты сильно замерз, окоченел» (досл. «Ты, однако, совсем замерз, окоченевшей вороной стал»). Выражение не несет ярко выраженной отрицательной коннотации, но интересными здесь являются параллели, возникающие между замерзшим человеком, утратившим некоторые физические способности и наделенным определенными внешними признаками, и вороной, по внешнему виду которой сложно судить о ее физическом состоянии.

Мы рассмотрели в функциональном плане активные коми-пермяцкие устойчивые выражения, объектом восприятия (ассоциаций) в которых была ворона (*рака*). В них она наделяется самыми разными определениями: ворона то бескрылая, то общипанная; то голая, то полоротая; народная фразеология демонстрирует ее то потерявшейся, то замерзшей. Семантически эти определения направлены на субъект и характеризуют не самые лучшие его качества.

Далее остановимся на фразеологизмах, в которых интересующий нас орнитоним ворона (*рака*) сочетается с глаголом какого-либо действия. Эти фразеологизмы характеризуют не социально-финансовую сторону человека, не его психоэмоциональную составляющую, а чаще всего отражают физическое состояние.

Обветренные, потрескавшиеся на морозе руки, причиняющие боль и некрасиво выглядящие, коми-пермяки называют *рака ки* досл. «воронья рука» или *Рака кеписсез козьналѓм* досл.

«Ворона холщовые варежки подарила». *Рака кизтѓ лечитны колѓ* в зн. «Потрескавшиеся руки лечить надо». *Да тэныт тай рака кеписсез козьналѓм, мавт жѓ кизтѓ мыйѓнкѓ* досл. «Да тебе ворона холщовые варежки подарила, смажь же руки чем-то». А если кожа потрескалась на ногах, то скажут *Рака котизз босьтѓм* досл. «Ворона коты купила» или *Рака сапоггез сетѓм* досл. «Ворона сапоги дала». *Гѓжумнас коккез чисто потласясѓ, вот и шуѓны, что рака сапоггез сетѓм* «Летом ноги сильно потрескаются, вот и говорят, что ворона сапоги дала». Действующим лицом в данных предложениях / фразеологизмах (кроме *рака ки* «воронья рука») является ворона (*рака*). Она покупает, отдает или дарит вроде бы нужные вещи, только общая семантика выражения не связана с позитивными ощущениями. Наоборот, в них содержится мотив боли и эстетической неприглядности. В этих выражениях ворона наделяется антропоморфными признаками, что также является довольно редким явлением.

Далее остановимся на устойчивых выражениях, в которых *рака* «ворона» выступает в качестве определения (в коми-пермяцком языке в именных словосочетаниях существительное + существительное первый компонент всегда является определением. – А. Л.). Один такой пример уже был рассмотрен выше (см. *рака ки* «воронья рука»).

Устойчивым выражением *рака ѓм* (досл. *рака* «ворона», *ѓм* «рот») «вороний рот» коми-пермяки называют болтливую человека [КПФС 2010: 158]. Хотя полевые материалы, собранные нами в южных районах Коми-Пермяцкого округа (Кудымкарский, Юсьвинский районы), демонстрируют, что оно (данное выражение) имеет еще одну семантическую нагрузку – так могут охарактеризовать не совсем симпатичный, точнее, большой рот собеседника. *Настаысѓн ѓмыс томсянь вѓви ыдъжит, рака ѓм и эм* досл. «У Насты рот смолоду был большим, вороний рот и есть» (Кудымкарский район, д. Селѓво, 2013 г.).

За человеком с плохим зрением может закрепиться выражение *рака син* «вороний глаз». *Кытчѓ, рака син тэ, гѓппезас пыран* (Куда ты, вороний глаз, в лужи лезешь», пер. – А. Л.) [КПФС 2010: 158]. Фразеологизм *рака син* нельзя путать с фитонимом *ракасин* «воронец».

Неухоженные волосы или некрасивая прическа могут быть названы выражением *рака поз* «воронье гнездо». *Менам талун юр вылам рака поз* «У меня сегодня на голове воронье гнездо». В Коми-пермяцко-русском словаре (1985) зафиксировано выражение *дѓраыс рака поз кодъ* (досл. «холст словно воронье гнездо»). Авторы названного источника утверждают, что так говорят о

запутанной основе холста [КПРС 1985: 399]. Поскольку ткачество сегодня является занятием довольно редким, данное выражение постепенно уходит из активного употребления.

Довольно неожиданное выражение *рака пиян чужёма* «лицом похож на воронёнка» направлено в адрес чумазога, несимпатичного ребенка. *Зонныс рака пиян чужёма* «Их сын похож на воронёнка».

Таким образом, в рассмотренных выше фразеологизмах компонент *рака* «ворона» является центральным, независимо от того, какую роль в выражении он играет: является ли определением, или определяющим словом. Остальные компоненты служат своеобразным «строительным материалом», способствующим раскрытию того образа, в основе которого лежит *рака*. С учетом того что фразеологизмы обладают экспрессивно окрашенным значением, повышается стилистическая значимость выражения. Удивляет тот факт, что *рака* «ворона» в рассмотренных фразеологических единицах отражает мотивы, не всегда находящиеся в одной синонимической плоскости. Вернее, выделяется несколько образно мотивированных коннотаций: статус, внешний вид, физическое состояние, эмоциональное состояние.

Образ вороны в мировидении коми-пермяка, являясь экспрессивной метафорой, характеризует человека в разных аспектах. И здесь наблюдаем некоторое противоречие. Согласимся с тезисом, что «зоонимические метафоры в культурах разных народов чаще всего представляют собой образы-эталон в обиходной языковой картине мира. Они основаны на характерологической подмене свойства человека представителем животного мира, имя которого становится знаком некоторого свойства, доминирующего в данном животном, с точки зрения обиходного опыта народа, своеобразным эталоном культуры» [Язык и культура 1999: http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_3.htm]. Тем не менее вынуждены признать, что образы и мотивы, связанные с вороной, в коми-пермяцкой лингвокультурологии слишком неоднозначны. Они охватывают очень широкий семантический диапазон. Одно можно утверждать с большой долей уверенности, что орнитоним *рака* «ворона» в общем и целом содержит отрицательную коннотацию. В коллективном сознании носителей коми-пермяцкого языка ворона воспринимается как нечто некрасивое, плохо пахнущее, предвещающее неприятности. Её образ способствует реализации мотива боли, бедности, ущербности, рассеянности.

Кстати, данное наблюдение подтверждается и другими коми-пермяцкими фразеологизмами, в

которых фигурируют представители животного мира (овца, лошадь, корова). Их семантика, направленная на человека, также содержит отрицательную коннотацию [Попова 2014: 202].

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 16-14-59602 «а(р)» «Лексика и фразеология коми-пермяцкого языка в этнолингвистическом аспекте».

² Лутошка – молодая липа 5–10 летнего возраста и около 1 врш. в диаметре у комля, срубленная для сдирки лыка [Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона].

Список литературы

- Ворон* // Энциклопедия «Мифы народов мира». М.: Директ-Медиа, 2009. 8875 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=856705> (дата обращения: 12.08.2016).
- Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль. М., 1975. 147 с.
- Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи 3. Южные говоры 1. Ижевск, 2015. 422 с.
- Климов В. В., Чагин Г. Н.* Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар, 2005. 256 с.
- Климов В. В.* Корни бытия. Этнографические заметки о коми-пермяках. Кудымкар, 2007. 368 с.
- Коми-пермяцко-русский словарь* / авт.-сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М., 1985. 624 с.
- КПФС – Коми-пермяцкий фразеологический словарь.* Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VII. / авт.-сост. О. А. Попова. Пермь, 2010. 344 с.
- Кытчö тійö мунатö Т. II* / авт.-сост. В. В. Климов. Кудымкар, 1991. 286 с.
- КЭСКЯ – Краткий этимологический словарь коми языка* / авт.-сост. В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. М., 1970. 386 с.
- Левкиевская Е. Е.* Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. 528 с.
- Лобанова А. С., Шляхова С. С.* Об отражении гендера в коми-пермяцком языке // Пермистика 13. Вопросы пермского языкознания. Сыктывкар, 2012. С. 108–114.
- Пармалён шыэз / Голоса Пармы.* Проза на коми-пермяцком языке. Кудымкар, 1997. 456 с.
- Попова О. А.* «Бытшöмыс» да «нёштöмыс» морт вывтырын коми-пермяцкöй фразеологизм-мез пырйöt // Коми-пермяцкий этнографический сборник. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. X. СПб., 2014. С. 199–202.

Томили́на М. А. Образы смерти и ее предвестников в коми-пермяцкой культурной традиции // Коми-пермяцкий этнографический сборник. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. X. СПб., 2014. С. 203–210.

Топорков А. Л. Ворон в русских заговорах: между мифологией, фольклором и книжностью // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. М., 2013. С. 273–281.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1890–1907. СПб. URL: <http://enc-dic.com/brokgause/Lutoshka-129203.html> (дата обращения: 10.09.2016).

Язык и культура / отв. ред. Е. О. Опарина. М., 1999. URL: http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_3.htm (дата обращения: 23.09.2016).

References

Voron [Raven]. *Entsiklopediya 'Mify narodov mira'* [Encyclopedia 'National myths']. Moscow, "Direkt-Media" Publ., 2009. 8875 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=856705> (accessed 12.08.2016).

Gribova L. S. *Permskiy zverinyj stil'* [Perm animal style]. Moscow, 1975. 147 p.

Kelmakov V. K. *Obraztsy udmurtskoy rechi 3. Juzhnye govory 1* [Samples of the Udmurt speech 3. Southern dialects 1]. Izhevsk, 2015. 422 p.

Klimov V. V., Chagin G. N. *Kruglyj god prazdnikov, obryadov i obychayev komi-permyakov* [Year-round festivals, rites and customs of the Komi-Permyaks]. Kudymkar, 2005. 256 p.

Klimov V. V. *Korni bytiya. Etnograficheskiye zametki o komi-permyakakh* [The roots of being. Ethnographic notes about the Komi-Permyaks]. Kudymkar, 2007. 368 p.

Komi-permyatsko-russkiy slovar' [Komi-Permyak Russian Dictionary]. Comp. by R. M. Batalova, A. S. Krivoshchekova-Gantman. Moscow, 1985. 624 p.

KPFS – *Komi-permyatskiy frazeologicheskiy slovar'*. *Trudy Instituta jazyka, istorii i traditsionnoj kul'tury komi-permyatskogo naroda* [KPPB – Komi-Permyak phraseological dictionary. Proceedings of the Institute of language, history and traditional culture of the Komi-Permyaks]. Iss. 7. Comp. by O. A. Popova. Perm, 2010. 344 p.

Kytchö tijö munatö? T. 2 [Where are you going?]. Vol. 2. Comp. by V. V. Klimov. Kudymkar, 1991. 286 p.

KESKJa – *Kratkiy etimologicheskiy slovar' komi jazyka* [Short etymological dictionary of the Komi language]. Comp. by V. I. Lytkin, E. S. Gulyaev. Moscow, 1970. 386 p.

Levkievskaya E. E. *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russians]. Moscow, Astrel, 2000. 528 p.

Lobanova A. S., Shlyakhova S. S. *Ob otrazhenii gendera v komi-permyatskom yazyke* [Reflection of gender in the Komi-Permyak language]. *Permistika 13. Voprosy permskogo yazykoznanija* [Permistika 13. Questions of Perm linguistics]. Syktyvkar, 2012. P. 108–114.

Parmalön shyez / Golosa Parmy. Proza na komi-permyatskom jazyke [The voices of Parma. Fiction in the Komi-Permyak language]. Kudymkar, 1997. 456 p.

Popova O. A. *"Bytshömys" da "njoshötömys" mort vyvtyryn komi-permyatskøj frazeologizmmez pyrjöt* ["Beauty" and "ugliness" in people's images within Komi-Perm phraseological units]. *Komi-permyatskiy etnograficheskiy sbornik. Trudy instituta jazyka, istorii i traditsionnoj kul'tury komi-permyatskogo naroda* [Komi-Permyak ethnographic collection. Proceedings of the Institute of Language, history and traditional culture of the Komi-Permyaks]. Iss. 10. St. Petersburg, 2014. P. 199–202.

Tomilina M. A. *Obrazy smerti i yeyo predvestnikov v komi-permyatskoy kul'turnoy traditsii* [Images of death and its precursors in the Komi-Permyak cultural traditions]. *Komi-permyatskiy etnograficheskiy sbornik. Trudy instituta jazyka, istorii i traditsionnoj kul'tury komi-permyatskogo naroda* [Komi-Permyak ethnographic collection. Proceedings of the Institute of Language, history and traditional culture of the Komi-Permyaks]. Iss. 10. St. Petersburg, 2014. P. 203–210.

Toporkov A. L. *Voron v russkikh zagovorakh: mezhdru mifologiej, fol'klorom i knizhnost'yu* [Raven in Russian incantations: between mythology, folklore and literature]. *Slavica Svetlanica. Yazyk i kartina mira* [Language and the world view]. Moscow, 2013. P. 273–281.

Enciklopedicheskiy slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona [Collegiate Dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. 1890–1907. Available at: <http://enc-dic.com/brokgause/Lutoshka-129203.html> (accessed 10.09.2016).

Jazyk i kyl'tyra [Language and Culture]. Ed. by E. O. Oparina. Moscow, 1999. Available at: http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_3.htm (accessed 23.09.2016).

THE ORNITHONYM *RAKA* “CROW” IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE: LINGUOCULTURAL ASPECT

Alevtina S. Lobanova

**Associate Professor in the Department of Teaching Methods for Russian Language and Literature
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

The article considers views associated with the ornithonym *raka* “crow” that are typical of the Komi-Permyak people. The stereotypes related to the crow are identified by means of the functional-semantic research method. The most interesting ones among them are the stereotypes of aesthetic ugliness, absence of mind, financial insolvency.

The research involves analysis of folk sayings and superstitions, proverbs and idioms connected with this bird. From a linguoculturological perspective, the ornithonym under study is frequently used in similes and set expressions while in other paroemias this image is rather rare.

Folk explanations concerning the environment, beauty and carelessness, prosperity and poverty are often interpreted by the Komi-Permyak people by means of the image of a crow. Based on linguistic data, one can distinguish several metaphorically motivated connotations: status, appearance, physical and emotional state of the subject.

It is noteworthy that the image of *raka* “crow” is referred by the Komi-Permyak people mostly to male characteristics, which is considered by the author to be an exceptionally national feature. It implies the condemnation of the social or financial failure of a man and represents the national family code: a man should own a house, must be successful throughout his life and wear good quality clothes, regarded as the first visual sign of his success.

Key words: Komi-Permyak language; ornithonym; linguoculture; stereotype; set expression.